

период к северу от одненефного храма была опстроена крестовидная крещальня (от нее сохранилась только южная половина — 5,40 x 2,36 м) с вырубленной в скале купелью в форме креста, доступ к которой открывался через широкий проход (около 3 м) с южной стороны²³. Позже, в период «темных веков» в баптистерии были проведены ремонтные работы, после чего в возведенном втором алтарном полуруже появился мозаичный пол., а к юго-востоку от крещальни была сооружена еще одна одненефная и одноапсидная церковь (13,5 x 4 м)²⁴.

Судя по склепу, примыкавшему к южной стороне другого однопасидного, прямоугольного в плане мангупского храма (7,4 x 4,3 м, толщина стен 0,6 м), это сооружение тоже было воздвигнуто не ранее второй половины VI в.²⁵ Еще какая-то культовая постройка невыясненного назначения, не исключено, баптистерий, входивший в комплекс Мангупского кафоликона — центра по управлению хорионами, паройками обширной церковной области Доранта, был сооружен неким Григорием, иереем — попом (papan) и одновременно анагностом — низшим церковнослужителем, чтецом священных книг во время литургии²⁶. В надписи на обломке известнякового фриза, найденного при раскопках базилики, было указано лишь, что «Эта [постройка] честные дары святого Иоанна». Скорее всего, она относилась к раннесредневековому периоду, а не к XI в., как полагает А. И. Айбабин, поскольку обращение «отец» («папа») по отношению к любому клирику было усвоено гораздо раньше этого времени и не исчезло из употребления в VI—X вв.²⁷.

При всех расхождениях, «эллинистическую» трехнефную Эски-Керменскую базилику (24 x 13 м) с поперечным притвором, тремя гранеными снаружи апсидами и, что важно подчеркнуть, все еще стропильным деревянным перекрытием датируют «не позднее VIII в.», когда в Таврике стали сооружать «восточные», сводчатые храмы, причем лишь

²³ Бармина Н. И. Контуры перемен... — С. 24.

²⁴ Там же. — С. 26

²⁵ Веймарн Е. В., Даниленко В. Н., Герцен А. Г. Работы Мангупского отряда // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 255.

²⁶ Яйленко В. П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. — 1987. — Т. 48. — С. 163.

²⁷ Айбабин А. И. Этническая история... — С. 123—124; ср.: Поснов М. Э. История христианской Церкви (до разделения Церквей 1054 г.). — Брюссель, 1964. — С. 395; Тальберг И. История христианской Церкви. — М.; Нью-Йорк, 1991. — С. 233; Лозинский С. Г. История папства. — М., 1986. — С. 13; Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. — М., 2000. — С. 93; Чичуров И. С. Александрийская православная церковь (Александрийский патриархат). От основания до середины VII в. // Исторический вестник. — М.; Воронеж, 2000. — С. 89.

апсидная часть, судя по разнице в технике кладки, была результатом поздней перестройки (рис. 183; ср.: рис. 38)²⁸. Такое сочетание деревянного перекрытия и трехапсидной формы алтаря, по точному наблюдению Л. Г. Хрушковой, указывает на то, что строение относилось к редкой переходной форме, какая пришла на VI в., когда старые и новые черты сосуществовали²⁹. Тоже самое можно сказать о времени строительства монументальной Парфенитской базилики. Во всяком случае, монастырский храм свв. Апостолов Петра и Павла, судя по свидетельству Жития Иоанна Готского, к третьей четверти VIII в. уже существовал, даже если он не соответствовал известной базилике и находился в стороне от нее³⁰. Не исключено, что здесь можно подозревать два, а то и три периода строительства, когда каждое последующее сопровождалось кардинальным обновлением храма. Ранняя же Парфенитская базилика, очевидно, не вос-

²⁸ Лосицкий Ю. Г., Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). — К., 2002. — С. 99—113.

²⁹ Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. — 2004. — Т. 63 (88). — С. 178—179.

³⁰ Завадская И. А. Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам). Дисс. ... канд. ист. наук / Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2000. — С. 172. Свидетельства письменного источника входят в противоречие с данными раскопок экспедиции Гос. Эрмитажа и Крымского филиала ИА НАНУ, предпринятых в 1998—2001 гг. на месте базилики и подсобных помещений комплекса, которые указывают на более позднее, нежели VIII в., строительство здешних сооружений, — конец IX—Х в. Материал, одновременный монастырю, описанному в Житии Иоанна Готского, экспедиции обнаружить не удалось (Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Археологические исследования храма монастыря св. Апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. — СПб., 1999. — С. 21—24; Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. — СПб., 2001. — С. 19—26; Адаксина С. Б. Христианские древности Аю-Дага // Восток — Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2002. — С. 3; Адаксина С. Б. Аю-Даг — крымский Афон // Византия в контексте мировой истории. — СПб., 2004. — С. 6—8).

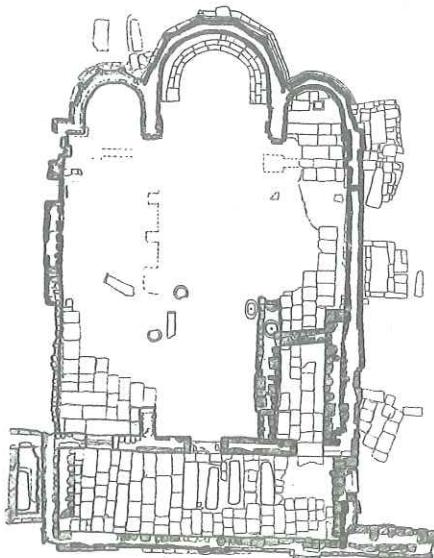

Рис. 183. Базилика на Эски-Кермене

точного, сводчатого, а «эллинистического» типа, с одной полукруглой апсидой и двумя рядами мраморных колонн с ранневизантийскими капителями вполне могла быть сооружена из инкерманского известняка херсонской артелью ремесленников-икодомов во второй половине VI или в начале VII вв.³¹ К VII—VIII вв., если верить результатам раскопок В. П. Бабенчикова в 1937 г., относится базиликальный храм на территории крепости Каламита, у южного обрыва Монастырской скалы³². Несколько раньше шло храмовое строительство в юго-восточной части посада городища Баклы, напротив северо-восточной стены цитадели, где пролеживают выразительные остатки крупного христианского культово-погребального комплекса. Они включают следы небольшого одноапсидного храма с одним наосом и нартексом, сложенного из квадров известняка на плотном известковом растворе, фрагменты мраморной алтарной преграды с изображением хризмы, прочие архитектурные детали из известняка и находившееся по соседству с церковью искусственное подземное сооружение, возможно, мавританский с нишей-аркосолием³³.

Другой пример строительных работ иного характера — усадьба, расположенная на западном берегу Камышевой бухты (на месте античного земельного надела №33). Жизнь здесь продолжалась долго, с V до XIII вв., причем, судя по стратиграфии строительных остатков, за это время сменили друг друга три здания, в том числе и периода VII—IX вв.³⁴ По соседству, на месте надела №32, в 1979 г. был обнаружен еще один многослойный памятник, возникший в эпоху эллинизма и существовавший до XI в. включительно. Открытые по периметру двора помещения несомненно существовали к концу раннего средневековья и носили жилой и хозяйственный характер, включая помещение 13, в котором, вероятно, была печь для выпечки хлеба³⁵. Такие примеры показывают, что сельские поселения на хоре Херсона

³¹ Завадская И. А. К вопросу о раннем периоде Партенитской базилики // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религоведению. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2003. — С. 19—20.

³² Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. — К., 1963. — Т. 13. — С. 81.

³³ Юрочкин В. Ю., Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е., Неневоля И. И., Пичка В. Н., Узенцев В. Б. Христианские древности «пещерных городов» Крыма // Археологічні відкриття в Україні 2002—2003 рр. — К., 2004. — С. 368—370, рис. 1; 2, 1.

³⁴ Зедгенидзе А. А., Николаенко Г. М. Отчет об охранных полевых работах в 1975 г. // Архив НЗХТ. — Д. №1773. — Л. 7—10, 41.

³⁵ Яшаева Т. Ю., Оленина Е. Ф. Отчет экспедиции Херсонесского заповедника об охранных комплексных исследованиях на хоре Херсонеса в 1980 году // Архив НЗХТ. — Д. №2152. — Л. 33—43; Яшаева Т. Ю., Созник В. В. Отчет о раскопках Гераклейской экспе-

приобретали хуторскую систему. К кругу подобных памятников относится усадьба, перестроенная в конце VI — первой половине VII вв. в западной части Гераклейского полуострова, на берегу Камышевой бухты, в 6 км от города, а также четырехкамерные усадьбы с двориками, существовавшие в VIII—X вв. на поселении у высоты Безымянной близ урочища Алсу, и семь довольно крупных усадеб, построенных, вероятно, одновременно с оборонительной стеной во второй половине VIII в. на городище Кыз-Кермен, каждая из которых состояла из большого двора и 3—7 каменных построек, включая винодельни, мастерские, плюс отдельная большая многокамерная постройка — дом правителя, «простатевонта»³⁶.

Вероятно, к числу полисм и кастра — городков и крепостей, резиденций простатевонтов, архонтов областей, упоминаемых Феофаном и Никифором при описании событий в Таврике начала VIII в., относилось также раннесредневековое поселение «Приморское», охватывавшее около 20 га в центральной и юго-западной части Ласпинской котловины (на месте лагеря «Ласпи»). Этот самый теплый и мягкий по климату, со среднегодовой температурой 13,3°, уголок Крыма имел удобную связь с Херсоном морем через Символон (Балаклаву), а по суше — через Байдарскую долину³⁷. Наряду с однокамерными и двухкамерными постройками (домами-пятистенками), характерными для средневековых поселений Таврики (ср.: рис. 127), в ходе исследований 1977—1979, 1991 гг. здесь было обнаружено несколько крупных сооружений под черепичной кровлей и с полом, мощенным плинфой. Оштукатуренные и расписанные внутри стены построек были выложены поясами из плинфы и известкового раствора (*opus mixtum*), что характерно для общественных, — государственных и церковных зданий Херсона ранневизантийского времени. Почти в центре поселения террасами располагался большой двухэтажный дом или несколько помещений (раскат камней этой постройки занимает свыше 200 м). Сооружение

диции Херсонесского Гос. историко-археологического заповедника. Ч. 3. 1983 // Архив НЗХТ. — Д. №2319. — Л. 3, 9—10, 23, 25, 49—86.

³⁶ Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. — Симферополь, 1993. — С. 49, 57; 77, с.300; Белый А. В., Душевский В. П., Мажуко А. С. Девичья крепость. — С. 14—27. Показательно, что усадьба у Камышевой бухты существовала на этом месте с IV в. до н.э., а ее последняя по времени предыдущая перестройка произошла в конце IV—V вв. В дальнейшем, после VII в., строительство в поселке было предпринято скорее всего во второй половине IX в., то есть спустя примерно 200 лет, причем была возведена не только еще одна новая усадьба, но и небольшой одноапсидный храм (см.: Яшаева Т. Я. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // Х. сб. — 1999. — Вып.10. — С. 349—351).

³⁷ Добрынин Б. Ф. Ландшафты горного Крыма // Крым. — М. ; Л., 1928. — № 1 (5). — Вып.1. — С. 32.

отличала пышность интерьера, от которого сохранились стены оштукатуренные и расписанные синей и черной красками, многочисленные фрагменты керамид, плинфы, четырех- и трехугольных плиток, овальных керамических и мраморных плиток, вероятно, для украшения пола и панелей стен. На богатство отделки указывает фрагмент капители с изображением на углах звериных голов, а также карниз со стилизованным аканфом. Очевидно, именно здесь находилась резиденция некоего должностного лица, что косвенно подтверждается находкой моливдула нотария Димитрия, который датируется VIII — началом IX вв.³⁸. Если учесть, что таких простатевонтов, управлявших городками-полисами, было по данным Никифора, «до двадцати мужей» (*tous de ton prostateuontas polismaton andras*)³⁹, можно ожидать в дальнейшем открытия других аналогичных монументальных комплексов, поскольку ласпинский был лишь одним из них.

ПОТЕСТАРНЫЙ КОМПЛЕКС ОКОЛО МАЛОЙ АГОРЫ ХЕРСОНА И МЕРТВЫЕ ВОРОТА

Существование «региона так называемой малой агоры» (*tou regeonos tes legomenes mikras agoras*) в позднеримском и ранневизантийском Херсонесе засвидетельствовано в Житиях свв. епископов Херсонских — раннесредневековом агиографическом источнике, автор которого, хорошо знакомый с топографией города, поместил его в начале восточной части городища (*to anatolikoteron tes poleos meros*)⁴⁰. Где точно располагался этот агороним на карте города, какие тона он вносил в краски эпохи остается под вопросом, который не был предметом специального рассмотрения и нуждается в дальнейшем осмыслении.

Если следовать традициям планировки, унаследованной херсонеситами от римлян, восточная сторона четко выделяется пересечением двух главных улиц, продольной и поперечной, этих своеобразных *decumanus maximus* и *cardo maximus* первых веков н.э. В этом случае главная, основная поперечная улица (она же 15-я улица) тянулась от Южных городских ворот, устроенных в конце I—II вв. между прямоугольной башней XII и полукруглой башней XIII в 14-ой куртине оборонительных стен

³⁸ См.: Паршина Е. А., Савеля О. Я. Отчет о разведках в урочище Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 3068. — Л. 74—76.

³⁹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — С. 156, 164.

⁴⁰ Латышев В. В. Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты // Записки имп. АН. — СПб., 1906. — Серия VIII по историко-филол. отд. — Т. 8. — №3. — С. 62, 71, §17.

(рис. 184)⁴¹. На это обстоятельство обратила внимание И. А. Антонова, но она не пошла дальше предположения о наличии поблизости площади, которую «окружали крупные общественные постройки». Характер сделанных в этом районе находок позволил Л. В. Марченко поддержать это мнение, указав, что в эллинистический и римский период «на территории кварталов, расположенных по обе стороны Главной улицы между 11-ой и 15-ой поперечными улицами, находились здания общественного характера и, возможно, площадь и храм перед театром», однако и он не связала этот ориентир с указаниями херсонесской агиографии⁴².

Между тем не исключено, что именно Южные ворота херсониты называли «Мертвыми» — *e Nekre auloporta*, как это следует из старославянской и древнегрузинской версий Житий, сделанных на основе греческого оригинала ранневизантийского времени⁴³. В них говорится, что в IV в. через эти ворта тела убитых язычниками епископов Евгения, Агафодора и Елпидия выволокли из города и «...повергша на восточной стране на изъядение псом их». Следовательно, эти были ворота, расположенные против обширного некрополя около Карантинной бухты, а «мертвыми» их называли потому, что через них обычно выносили покойников, чтобы по дороге, пролегавшей именно по периметру, между двумя оборонительными стенами, доставить для погребения на обширное кладбище около Карантинной бухты.

⁴¹ Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. — С. 135 (ворота D); Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. — С. 110—111 (автор ошибочно назвала 15-ю поперечную улицу 26-ой); Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — С. 460—461, 675—677.

⁴² Марченко Л. В. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // Х. сб. — 1999. — Вып. 10. — С. 105.

⁴³ Страдания свв. священномучеников Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Ефрема и Капитона, в Херсоне в различное время епископствовавших. Минеи четыи // Макарий (Булгаков). История русской Церкви. — М., 1994. — Кн. 1. — С. 327; Латышев В. В., Кекелидзе К. Житие свв. епископов Херсонских в грузинской минее // ИАК. — 1913. — Вып. 49. — С. 83—88, §3.

Рис. 184. Перекресток главных улиц города напротив Южных ворот
(по Л. В. Марченко)